

Владислав Кривонос

Порог и лестница в «Мертвых душах» Гоголя

В предыстории Чичикова, изложенной в заключительной главе первого тома «Мертвых душ», временная последовательность событий объективирует его движение к намеченной цели: «Но решился он жарко заняться службою, всё победить и преодолеть» [1]. Исследователями было отмечено такое свойство Чичикова, как подвижность во времени: «Время Чичикова линейно, направлено от прошлого к будущему. Кроме того, оно имеет важное сюжетное значение: именно биографическое время героя скрепляет отдельные сцены в единую сюжетную цепочку» [2]. Однако говорить о биографическом времени Чичикова можно только с учетом той специфической функции, какую оно выполняет в поэме.

Повествователь знакомит читателей не с историей жизни и становления характера героя, но с историей преодоления им препятствий на пути к цели: «Но при всем том трудна была его дорога...» (V, 329). И далее: «Это был самый трудный порог, через который перешагнул он» (V, 331). Жить «биографической жизнью в биографическом времени» можно только «вдали от порога» [3]. Но как раз состояние перехода определяет коллизии чичиковской биографии, где акцент сделан на «неодолимой силе его характера» (V, 342), позволяющей вновь и вновь перешагивать через трудные пороги.

Облик героя выражает и отражает его пороговую сущность: «...не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» (V, 9). Как писал А. Белый, Чичиков «при помощи “ни” и “не” слит со всем общим; у него нет признаков...» [4]. На самом деле признаки у Чичикова есть – и описание его внешности хоть и отрицательным образом, но прямо на них указывает. Неопределенность черт фиксирует в облике героя двусмысленные и двойственные свойства «порогового» человека, который, подобно «лиминальным существам» в обряде перехода, выскальзывающим из сколько-нибудь устойчивой «сети классификаций», «ни здесь ни там, ни то ни се...» [5], т.е. в некоем символическом пространстве, где и не может быть никакой определенности.

Но именно такова семантика порога, который является «промежуточным пространством» [6], «семантика как раз неопределенности и нерешенности» [7]. Только состояние перехода оказывается для Чичикова не временным, но перманентным, почему биографическое время героя (время преодоления препятствий) не замкнуто в границах собственно биографии, но предельно активизирует идею испытания в сюжете поэмы [8]. Новым трудным порогом становится здесь приобретение Чичиковым мертвых душ, а далее, в следующей части поэмы, как предвидит повествователь, «придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия...» (V, 347).

Примечательно, что уже в предыстории, которая строится по схеме сюжета испытания, Чичиков предстает «пороговым» человеком, чья лиминальность подчеркивается несоблюдением обрести и сохранить сколько-нибудь определенное положение и достичь состояния хотя бы житейской стабильности. Гоголевский герой действительно «...не принадлежит ни одному пространству, а лишь пересекает их» [9]. Но он потому и обречен странствовать, что олицетворяет собою пространство порога. Причем Чичиков не просто «пороговый» человек, но человек порога; имеется в виду не только его образ жизни, но и образ мыслей. Так что не случайно рождается в голове Чичикова «странный сюжет» (V, 346), основанный на покупке мертвых душ (крестьян, умерших, но числящихся по ревизской сказке, «не живых в действительности, но живых относительно законной формы...» – V, 49), т.е. предмета, оказавшегося в силу обстоятельств в промежутке между жизнью и смертью.

В обряде перехода «лиминальность часто уподобляется смерти...» [10]. Символической смерти может быть уподоблено и существование на пороге. В биографии Чичикова его служба описывается как череда временных смертей; основой сюжетного механизма служит здесь ритуал инициации [11], где испытания предполагают возрождение «в новом статусе» [12]. Ритм временных смертей и возрождений, переживаемых Чичиковым на пути к цели, осмыслен в предыстории как ритм потерь и приобретений, что соответствует фольклорно-мифологической логике испытаний [13]. Испытания Чичикова (испытанию подвергается характер героя) связаны с решением им трудных задач, что вызвано необходимостью преодолевать различные препятствия [14].

Специфику трудных задач определяет владеющая Чичиковым «непостижимая страсть» (V, 342); биография «...демонстрирует, если так можно сказать, перипетии этой страсти, ее превратности

и драматизм» [15]. Отмеченность самого трудного порога получает особую значимость с учетом вектора развития страсти: «Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира...» (V, 331). Речь идет о пороге на пути героя в этот мир, где Чичиков не просто пускается в очередную аферу, но бросает вызов законам мироздания. Противоестественность его плана обнажает буквальное понимание Коробочкой предложения продать мертвые души: «Нешто хочешь ты их откапывать из земли?» (V, 72). В этом мире душа самого Чичикова, захваченного непостижимой страстью, изменяет собственной природе и обречена на блуждание; поездки героя символически выражают блуждания его души [16].

Испытания служат проверкой истинности пути героя [17], где ожидают его трудные пороги, перешагивать через которые побуждает владеющая им страсть. Эта страсть к приобретению осмыслится в поэме как своего рода идолопоклонство [18], чреватое, как и всякое идолопоклонство, омертвлением души [19]. Разделяя мир души и этот мир, порог становится опасным местом, связанным с нарушением запретов; перешагнуть порог – значит преодолеть мифологическую границу между живым и мертвым [20]. Чичиков объясняет Коробочке, что «...души будут прописаны как бы живые» (V, 72), но Собакевич, сравнивая мертвых с теми, «которые числятся теперь живущими», расхваливает умерших так, как будто дело действительно идет о живых: «вы таких людей не сыщете...» (V, 146).

Чичикову дано испытать не только горечь потерь, но и горечь падения, пройти через ряд временных смертей, но все это не может погасить непостижимую страсть, вызванную, как пронизательно заметит повествователь, «...для неведомого человеком блага» (V, 349). Мифологема пути включает в себя представление о его специфической трудности: «Трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство; двигаться по пути, преодолевать его уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего подвижника, путника» [21]. На пути к цели герой, в котором «...оказался большой ум... со стороны практической» (V, 323), готов преодолевать самые трудные препятствия, но практический ум лишен способности отличать правильный путь от неправильного и соответственно праведную цель от неправедной; приобретение оказывается несовместимо с подвижничеством.

Чичиков жалуется Манилову: «Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку

и вдовице беспомощной и сироте горемыке!...)» (V, 52). Библейская реминисценция (ср.: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте...» – Исх. 22: 22) в устах героя приобретает кощунственный смысл: с образами вдовицы и сироты связано представление о наиболее уязвимых и обездоленных людях, потерпевших жизненное поражение; Чичиков же привык перешагивать не только через пороги, но и через всех тех, кто встречается на его пути к цели (ср. его обращение с Коробочкой: «Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду...» – V, 77), рассчитывая превратиться в итоге в удачливого приобретателя, победителя жизни. Слово, как и люди, служит для него средством овеществления и омертвления мира.

Движение по неправильному пути, удаляющее героя от высшей цели существования, обостряет сюжетное значение порога, связанного с превращением одного явления в другое [22]. Значимы в этом плане эпизоды с юной блондинкой, позволившие раскрыть в характере Чичикова скрытые от него самого возможности, «дальние предвестия будущего возрождения», которые пророчит «его способность откликаться на женскую красоту» [23]. Ср.: «Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов, но слово поэт будет уже слишком. По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром» (V, 242).

В «Мертвых душах», на что уже обращалось внимание, трагестируются и пародируются ситуации и образы пушкинских произведений [24]. Так, ситуация, в которую попадает Чичиков, побуждает вспомнить разговор Ленского с Онегиным об Ольге и Татьяне:

Я выбрал бы другую,

Когда б я был, как ты поэт [25].

С.Г. Бочаров комментирует мнение Онегина: «Он угадывает и выбирает поэтическую Татьяну, но с чужого для себя места “поэта”. Ибо сам он – не поэт, и это важнейшая характеристика его в романе...» [26]. Чичикова неожиданная встреча внезапно обращает в подобие «поэта», позволяя почувствовать себя «чуть-чуть не гусаром», хотя, в отличие от героя пушкинского романа, сознательного выбора героини с места «поэта» совершить он не способен. Но зато, поставленный повествователем на чужое место «поэта», он способен пережить поэтическое состояние. Однако Чичиков, подобно Онегину, не поэт и даже не гусар, как другой пушкинский герой, гусар-

ский полковник Бурмин, чья «непростительная ветреность» [27] неожиданно приводит историю метели к счастливой развязке.

В качестве «поэта» или «гусара» Чичиков, возможно, действительно выбрал бы поэтическую блондинку, а не наметил бы себе в спутницы жизни прозаическую бабенку (в предыстории рассказано, что герой «подумывал о многом приятном: о бабенке, о детской...») – V, 336), однако, будучи «уже средних лет и осмотрительно-охлажденного характера» (V, 131), оказался он тяжеловат «в разговорах с дамами», «...почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя» (V, 242-243). Чичиков не может внезапно превратиться в «поэта» или в «гусара», но он может преодолеть порог автоматического существования и испытать «что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить...» (V, 241).

Выясняется, что в герое «...была и возможность иного, человеческого, развития, и как воспоминание об этой возможности в Чичикове время от времени возникают “странные”, “противоречащие” его характеру движения» [28]. Более того, Чичиков вообще действует на чужом для себя месте приобретателя, поскольку не понимает своего настоящего предназначения; на это указывает созданная им апологетическая автобиографическая легенда: «испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду...» (V, 18). Потому он и уклоняется от своего пути, что не ведает, к какому благу должна привести его владеющая им страсть [29]. Он понятия не имеет о высшей силе, скрыто и как будто против воли героя (на что указывают иррациональные душевные движения) направляющей его на другой путь, вопреки задуманному им плану.

Сердась «на несправедливость судьбы» (V, 342), Чичиков видит в себе жертву обстоятельств: «Почему же я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? все приобретают» (V, 343). Но идентификация со «всеми» оказывается в его случае ложной, так как заставляет следовать неправильным и не ему предназначенным путем. Ср.: «Не следуй за большинством на зло...» (Исх. 23: 2); т.е. не следуй слепо за всеми и выбирай свой путь. Повествователь недаром считает нужным «...отдать справедливость неодолимой силе его характера» (V, 342). А Муразов во втором, неоконченном томе, прямо говорит Чичикову о его настоящем призвании: «...какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою, и терпением, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель. Боже мой, сколько бы вы наделали добра!» (V,

508). В идеальной перспективе предназначение героя должно совпасть с его призванием, что радикально изменит его судьбу [30].

По наблюдениям Ю.М. Лотмана, «...в образе Чичикова синтезируются персонажи, завещанные пушкинской традицией: светский романтический герой (вариант – денди) и разбойник» [31]. Реконструкция пушкинских замыслов демонстрирует «возможность синтеза джентльмена и разбойника» [32] в границах единого образа. В Чичикове парадоксально соединяются человек, преступающий нравственные и даже юридические запреты (и именно в этом смысле разбойник, хотя герой и уверяет, что «...привык ни в чем не отступать от гражданских законов... закон – я немею пред законом» – V, 50), и потенциальный подвижник; уже предыстория обнаруживает в герое как странное тождество, так и предвидимое разделение этих начал. Отсюда и усложнение в поэме семантики порога, преодолеть который герой способен как в одном, так и в другом направлении, двигаясь как по пути зла, так и по пути добра. Такова «кризисная судьба Чичикова, совмещающего в себе полярные импульсы» [33]; вопрос в том, каков заданный вектор этой судьбы.

Страхи пугливой Коробочки, к которой Чичиков явился «в ночное время» (V, 74), трансформируются в сочиненный дамами «совершенный роман», где покупатель мертвых душ предстает кем-то «вроде Ринальда Ринальдини» (V, 262), романтического разбойника из произведения Вульпиуса. Ведь Чичиков, по предположению дам, «...хочет увезти губернаторскую дочку» (V, 264), что соответствовало расхожим представлениям о разбойничьей биографии, включающей в себя мотив «похищения возлюбленной» [34]. Правда, представители «мужской партии» не соглашались считать Чичикова «разбойником, наружность благонамеренная...» (V, 279), вообще полагая, «что похищение губернаторской дочки более дело гусарское, нежели гражданское...» (V, 275). Хотя Чичикову однажды и довелось почувствовать себя чуть-чуть не гусаром, но для гусарских подвигов он с такой наружностью действительно не подходил.

Между тем дамский роман, уж слишком неправдоподобный («Против догадки, не переодетый ли разбойник, вооружились все...» – V, 284), не случайно сменяет «в некотором роде, целая поэма» (V, 285) о капитане Копейкине, который, не дождавшись «монаршей милости» (V, 286), превращается в атамана разбойничьей шайки [35]. Сопоставление в поэме буквального (Копейкин) и фигурального (Чичиков) «разбойников» [36] призвано подчеркнуть сближающие героев проявления «...силы и масштаба характеров» [37].

Другая странная догадка, «не есть ли Чичиков переодетый Наполеон...» (V, 294), также предполагает тождество характеров: Наполеон, несмотря на поражение, вновь, движимый столь же непостижимой, сколь и Чичиков, страстью, «пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков» (V, 294), стремясь осуществить хоть и не им, но англичанами придуманный план. Так что замеченное чиновниками внешнее сходство Чичикова с портретом Наполеона [38] имеет и характерологическую опору. Отметим важную в этом смысле связь «переодетого Наполеона» и Чичикова с мотивом преодоления трудного порога [39].

Анекдотические истории, в которых Копейкин и «переодетый Наполеон» выступают пародийными дублерами Чичикова, свидетельствуют не только о способности преодолевать разнообразнейшие препятствия на пути к цели (не добившись пенсии, Копейкин решил поискать «...сам средств помочь себе» – V, 293; потерпевший поражение Наполеон начинает, теперь уже с помощью англичан, новое вторжение в Россию), но и о непредсказуемых возможностях, заложенных в характере героя (Копейкин не предполагал, что станет атаманом разбойников, а Наполеон – что вновь отправится завоевывать Россию). У Чичикова, хоть он ничего и не знал о романе, сочиненном дамами, все-таки «вертелась в голове блондинка, воображенье начало даже слегка шалить...» (V, 304).

Странное чувство, сделавшее «вдруг» Чичикова «чуждым всему, что происходило вокруг него» (V, 239) и давшее повод для толков и о кошунственном способе обогащения, и о кошунственном намерении увезти губернаторскую дочку, указывая на признаки разбойничьего антиповедения [40], высвечивает и другой аспект разбойничьей темы, исключительно важный для потенциальной судьбы героя. Имеется в виду евангельская история о разбойнике, с которым «...в одно мгновение произошла... чудная перемена», что побуждает «остерегаться осуждать согрешающих» [41]. Это история проясняет христианское понимание зла, которое «...есть как бы болезнь, как бы паразит, существующий только за счет той природы, на которой паразитирует» [42].

Как ни пытались господа чиновники разгадать загадку происхождения и поступков героя, «что такое он именно...» (V, 281), но «...решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков» (V, 300). Повествователь же так завершает его предысторию: «И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме» (V, 349). Загадочность Чичикова и тайна его изображения актуализируют в конце первого тома пороговую сущ-

ность героя, человеческое предназначение и призвание которого остается неизвестным и для него самого.

И герой не является здесь исключением, потому что таким же незнанием страдают и «многие читатели», и все «человечество», не раз избиравшее «искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие в сторону дороги» и не замечая открытый пред ним «прямой путь» (V, 301). Сбиваясь «в сторону» и напуская «вновь слепой туман друг другу в очи» (V, 302), люди сами отдают себя во власть демонического зла. В биографии Чичикова повествователь, рассказывая о постигшей героя неудаче, иронически замечает: «Чёрт сбил с толку обоих чиновников...» (V, 340). Во втором томе Чичиков вполне серьезно происками лукавого объясняет Костанжогло, почему «...себя никак не убережешься»: «Человек — не удержишься» (V, 434). А далее, взывая к милосердию генерал-губернатора, рассказывает он, почему не уберегся и не удержался сам: «На всяком шагу соблазны и искушение... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я человек, ваше сиятельство» (V, 503). Под человеком Чичиков подразумевает слабое и грешное существо, лишённое свободы воли и неспособное разрушить инерцию привычного существования.

Возможности так понятого человека измениться и возродиться ограничивает этот мир, куда стремится герой и где он оказывается жертвой демонического воздействия: «Сатана проклятый оболстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил» (V, 505). Попыткой самооправдания становится и ссылка Чичикова на судьбу: «Досталась ли хоть одному человеку такая судьба?» (V, 506). Кошунственно пародируя своим поведением библейского Иова, он взывает к небу: «Где справедливость небес? Где награда за терпенье, за постоянство беспримерное?» (V, 507). Однако посланные герою испытания, как и влекущая его страсть, неизвестным для него образом действительно направлены к его благу.

Стеная и жалуясь, Чичиков, однако, признается, что сам выбрал свою судьбу, «когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь...» (V, 507). Так что беды и поражения героя явились следствием нарушения им заповедей, извращения законов жизни и собственной человеческой природы. Перешагивая через все новые пороги на неправильном пути и пережив ряд временных смертей, покупатель мертвых душ не случайно оказывается в тюрьме, где ему предстоит ощутить себя мертвецом среди других мертвецов (Чичиков взывает к Муразо-

ву: «Спасите, ведут в острог, на смерть» – V, 504) и где он должен почувствовать мертвенность своей души.

Будучи пространством порога и символизируя неопределенность нынешнего и будущего статуса героя, тюрьма открывает перед Чичиковым возможность как окончательной гибели, так и безусловного спасения. Тюрьме приписываются признаки могилы [43], но также и своего рода монастыря [44]. Навестив Чичикова в тюрьме, Муразов советует ему, принимая на себя роль духовного отца: «Павел Иванович, успокойтесь, подумайте, как бы примириться с Богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите» (V, 506). Поспособствовав же освобождению Чичикова, он наставляет его: «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу» (V, 524). И Чичиков готов с ним согласиться: «“Муразов прав! – сказал он, – пора на другую сторону”. Сказавши это, он вышел из тюрьмы» (V, 524-525).

Знаменательно, что именно здесь, в остроге, под влиянием проповеди Муразова, Чичикова настигают проблески раскаяния: «Какие-то неведомые дотеле, незнакомые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему» (V, 510). И далее: «Вся природа его потряслась и размягчилась» (V, 513). Перед ним открывается возможность пробуждения от мертвого сна и возвращения на предназначенный ему путь, где праведным образом жизни ему удастся восстановить утраченную связь с Богом. Правда, и на этом пути, пути возвращения к себе и спасения, героя ожидают новые трудные пороги, о чем свидетельствует вероятное (задуманное Гоголем) развитие сюжета второго тома [45].

В первом томе повествователь, изложив историю Плюшкина, отмечает: «Всё похоже на правду, всё может стать с человеком» (V, 182). Поведая же читателям предысторию Чичикова, повествователь вновь констатирует: «Быстро всё превращается в человеке...» (V, 348). Речь идет о нравственном и духовном падении человека, об омертвлении его души. Но здесь же, в первом томе, возникает и образ лестницы («...точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования?» – V, 83), иного варианта границы [46], связанного с символическим образом пути «к достижению Небесного Царствия» [47]. Встречающиеся на этом пути препятствия «...суть наши ступени восхождения» [48]. Так пороги становятся ступенями [49].

В «Мертвых душах», как они были задуманы писателем, герой поставлен перед выбором между падением (и порогами отме-

чено в сюжете поэмы его движение вниз) и восхождением. По Гоголю, именно путь восхождения отвечает природе человека, в иерархической структуре которого высшее место принадлежит живой душе. Будучи, как и всякий человек, «пределом» и «границей» между «телесным и духовным в ситуации воплощения» [50], гоголевский герой потому и должен был выбрать именно этот путь, что он соответствует высшему замыслу о человеке.

Примечания:

1. *Гоголь Н.В.* Собр. художеств. произведений: В 5 тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.– Т. V. – С. 328. Далее ссылки на это издание с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами приводятся в тексте.

2. *Беспрозванный В., Пермяков Е.* Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Тартуские тетради. – М., 2005. – С. 191.

3. См.: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – М., 1979. – С. 198.

4. *Белый А.* Мастерство Гоголя. – М., 1996. – С. 95.

5. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Пер. с англ. – М., – 1983. – С. 169.

6. *Рымарь Н.Т.* О функциях границы в художественном языке // Граница как механизм смыслопорождения. – Самара, 2004. – С. 39.

7. Там же. – С. 40.

8. *Тамарченко Н.Д.* Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. – М., 1997. – С. 139.

9. *Беспрозванный В., Пермяков Е.* Из комментариев к первому тому «Мертвых душ». – С. 190.

10. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – С. 169.

11. Ср.: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М., 1976. – С. 226-227.

12. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. – М., 1994. – С. 21.

13. См.: *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М., 2001. – С. 12.

14. В сказке форме задачи соответствует и форма решения, определяемая и характером испытания героя (*Пропт В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. – М., 1969. – С. 56-57). Прообразом для такого сказочного испытания, как решение трудных задач, явился ритуал инициации (*Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик*

Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки. – С. 18).

15. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 279-280. Ср.: «Предыстория Чичикова, в сущности, представлена как история его страсти к приобретению...» (Маркович В.М. «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание». Отелеснивание духовного и спиритуализация телесного в 1-ом томе «Мертвых душ» // Wiener Slawistischer Almanach. – Мюнхен, 2004. – Band 54. – S. 98).

16. «Мир» в аскетическом смысле понимается как «...рассеянность души, ее блуждание вне самой себя, ее измена своей собственной природе» (Лосский Вл. Мистическое богословие / Пер. с фр. // Мистическое богословие. – Киев, 1991. – С. 226-227). Ср.: «Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им» (Отечник, составленный св. Игнатием Брянчаниновым. – М., 1996 (репринтное издание). – С. 112).

17. Ср. с ролью испытания в истории Чарткова: *Кривонос В.Ш.* Семантика границы в повести Гоголя «Портрет» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 3. – С. 40.

18. В аскетическом смысле страсти выступают как «формы идолопоклонства» (Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви: тексты и комментарии / Пер. с фр. – М., 1994. – С. 165).

19. Ср.: в биографии рассказывается, «...что это в самом деле за человек Павел Иванович, в чем же, в самом деле, тайна его души, тайна смерти этой души» (Архимандрит Феодор (Бухарев). О героях поэмы «Мертвые души» // Н.В. Гоголь и православие: Сб. статей о творчестве Н.В. Гоголя. – М., 2004. – С. 223).

20. См. о связанных с порогом запретах: *Топорков А.Л.* Порог // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 379.

21. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: структура и семантика. – М., 1983. – С. 259.

22. Ср.: «Метаморфоза – едва ли не самая универсальная категория гоголевской поэтики» (Гольденберг А.Х. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной культуры. – Волгоград, 1991. – С. 55). Верно было указано на «...сплошную превращаемость гоголевского мира, которая неизменно проявляется у него и в сюжете, и в стиле» (Виролойнен М. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы. – М., 2003. – С. 11).

23. Манн Ю.В. Постигая Гоголя. – М., 2005. – С. 112.

24. «Что касается “Евгения Онегина”, то обращение к его тексту по большей части было связано у Гоголя с коренной переработкой образов романа» (*Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». – Л., 1987. – С. 83).

25. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4–е изд. – Л., 1978. – Т. 5. – С. 50.

26. *Бочаров С.Г.* О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. – М., 1999. – С. 22.

27. *Пушкин А.С.* Метель // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4–е изд. – Л., 1978. – Т. 6. – С. 80.

28. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. – С. 281.

29. Ср.: «Очевидно, что сверхъестественное начало присутствует в чичковской страсти как потенциал, способный преобразить ее» (*Маркович В.М.* «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание». – С. 98).

30. Ср.: «Модель судьбы меняется как только предназначение осмысляется как призвание. <...> Предназначение ассоциируется с высшей силой, призвание – с природным даром» (*Арутюнова Н.Д.* Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 311).

31. *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 248.

32. Там же. – С. 242.

33. *Гольденберг А.Х., Гончаров С.А.* Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура Нового времени. – СПб., 1994. – С. 43.

34. *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». – С. 242. Ср. далее относительно обвинений дам против Чичикова (С. 249).

35. Ср.: «воображенье Коробочки впечатывает в пусто поданном круге лица свой миф: о разбойнике; миф разыгрался в капитана Копейкина...» (*Белый А.* Мастерство Гоголя. – С. 56-57). В «Мертвых душах» названная повесть образует «...собственный отдельный сюжет – сюжет в сюжете» (*Манн Ю.В.* «Повесть о капитане Копейкине» как вставное произведение // *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М., 1996. – С. 423).

36. *Лебедева О.Б.* Эстетические и композиционно-структурные функции «Повести о капитане Копейкине» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская повесть как форма времени. – Томск, 2002. – С. 149.

37. Там же. – С. 150.

38. См. о значении этого сходства: «Оно словно предопределяло судьбу человека, накладывало на него печать исключительности...» (*Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наполеон. Легенда и реальность. – М., 2003. – С. 239).

39. Как и вообще с общим для них мотивом границы; см.: *Кривонос В.* Наполеоновский миф у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. – М., 2003. – С. 70. Ср.: «Даже потерпевший поражение, свергнутый и сосланный на о. Эльба Наполеон должен был вернуться, “воскреснуть”, дабы в очередной раз подтвердить свою сверхъестественную природу» (*Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон. – С. 254).

40. В России с антиповедением разбойников связано было «представление о магических способах обогащения...»; «в религиозном отношении» оно было отмечено «как поведение кощунственное» (*Успенский Б.А.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // *Успенский Б.А.* Избранные труды. – Т. I. – Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. – С. 329, 330).

41. *Иоанн Лествичник*, преподобный. Лествица. – Троице-Сергиева Лавра, 1991 (репринтное издание). – С. 97.

42. *Лосский Вл.* Догматическое богословие / Пер. с фр. // Мистическое богословие. – Киев, 1991. – С. 305.

43. См. о традиционном в литературе и в воспоминаниях сопоставлении «тюрьмы с могилой» и сравнении «тюремной жизни со смертью»: *Ефимова Е.С.* Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. – М., 2004. – С. 23.

44. Ср. уподобление в христианской традиции тюрьмы монастырю в плане искупления грехов и самоочищения: Там же. – С. 36.

45. См. о вероятности предположения ссылки Чичикова в Сибирь (*Манн Ю.В.* В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1987. – С. 267), где он «претерпевает воскресение и перерождение» (*Лотман Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия//*Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 399). Ср.: «Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, по-видимому, и должны были завершиться “Мертвые души”» (*Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг. – М., 2002. – С. 186).

46. См. о лестнице как особого рода границе в «Портрете»: *Кривонос В.Ш.* Семантика границы в повести Гоголя «Портрет». – С. 42.

47. *Гоголь Н.В.* Правило жития в мире // *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 6. – С. 285.

48. Там же.

49. В книге авторитетного для Гоголя духовного писателя говорится о пути, который «...представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви» (Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. – С. III); здесь же возникает образ «духовной лестницы добродетелей», соотнесенный с библейской «лестницей», виденной Иаковом (С. 250). О значении образа лестницы («лестницы») у Гоголя и в святоотеческой литературе см.: Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг. – С. 143-144. Ср. наблюдение, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» история «внутренней жизни» Гоголя раскрывается «как путь к Христу по “ступеням” духовной лестницы» (*Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997. – С. 253).

50. *Клеман О.* Истоки. – С. 76.

Александр Звездин

Проблема генезиса гоголевского Вия в мировой русистике: поиск синтетического решения

Образ гоголевского Вия является предметом активной научной дискуссии. Повод к этому дал сам автор, писавший, что «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли» [30, 144].

Следуя за данным авторским утверждением, ряд первых исследователей повести считали этот образ фольклорным а-р-г-и-о-и, в частности, Н.Сумцов писал, что «из народных же поверий заимствован и сам образ Вия» [23, 472]. Таким образом в XIX веке сформировалась точка зрения, что образ Вия заимствован из украинского (славянского) фольклора как цельный, имеющий имя «Вий», и введен автором в ткань текста.

Этнограф А.Афанасьев рассматривал Вия как создание народной мифологии: «Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир божий, для этого нужно несколько силачей, которые бы